

УДК 811.133.1-811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ АНТРОПОНИМОВ
В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****FEATURES OF ADAPTATION OF FRENCH ANTHROPONYMS IN THE RUSSIAN
AND UKRAINIAN LANGUAGES: LINGUISTIC AND EXTRA-LINGUISTIC ASPECTS****И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко
I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru*

Аннотация. Одним из самых распространенных средств межкультурного диалога в лингвистическом аспекте является такой вид лексического заимствования как заимствование антропонимов. Этот процесс, как правило, обусловлен рядом факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Процесс заимствования антропонимов был в большей степени распространен при взаимодействии восточнославянских и французской культур в XIX веке. Зачастую этот процесс был неоправданным, хотя его результаты были весьма распространены в русском и украинском языках.

Abstract. Anthroponyms borrowing as a kind of lexical borrowing is one of the most common means of the intercultural dialogue in the linguistic aspect. As a rule this process is influenced by a number of both linguistic and extra-linguistic factors. The cultural interaction between Russian Empire and France in the 19th century involved a massive adaptation of French anthroponyms into Russian and Ukrainian. Often, as a result of this process Russian anthroponyms became Frenchified.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, французский язык, межкультурная коммуникация, ономастика, антропонимы.

Keywords: Russian, Ukrainian, French, intercultural communication, onomastics, anthroponyms.

В наши дни одним из ключевых явлений лингвистической науки и вспомогательных интегративных дисциплин является понятие о межкультурном диалоге, под которым традиционно понимается средство взаимосвязи различных культур. Такой их диалог (зачастую чуждых друг другу) носит обязательный интерактивный характер, поскольку являет собой живое общение – с той лишь разницей, что, в отличие от межличностного, использует в качестве сторон не индивидов, принадлежащих какой-либо культуре, а культуры в целом. Согласно теории коммуникации, межкультурный диалог должен включать в себя ряд аспектов, позволяющих выделять его как самостоятельное коммуникативное явление [Леонтович:6]:

1. Наличие двух и более сторон, позволяющее находить и изучать основные свойства каждой культуры, а также общее и различное в них. Общие черты культур-участниц диалога традиционно называются реалиями, а различные – лакунами.

2. Наличие возможности обмениваться информацией и верно интерпретировать ее.

3. Равные права сторон: диалог возможен лишь в том случае, когда все его стороны находятся на одном уровне. Если это условие не соблюдается, участники процесса коммуникации вступают в одну из недиалогических форм общения, по природе своей являющихся деструктивными – ассимиляцию или борьбу, неминуемо влекущих за собой уничтожение одной из культур [Леонтович:18].

Несмотря на то, что зачастую дефиниция «межкультурный диалог» носит подчеркнuto общий характер и воспринимается как одновременное взаимодействие всех проявлений культуры, мы полагаем, что взаимодействие культур начинается именно с языкового компонента. Справедливости ради отметим, что и другие составляющие любой культуры заслуживают пристального внимания, однако только язык, будучи частью культуры, способен вместить в себя ее самое: по мнению

известного немецкого философа М. Хайдеггера, «язык составляет ближайшее окружение человеческого существа... Человек... попадает к языку для того, чтобы удовлетворительным образом определить то, что ему видится» [Хайдеггер:http]. Полное и верное восприятие собственной (родной, имманентной) культуры способно породить возможность верного и полного восприятия любой другой культуры, что, в свою очередь, является первым шагом к налаживанию межкультурного диалога [Там же.].

Самым распространенным средством межкультурного диалога в лингвистическом аспекте, по нашему мнению, является лексическое заимствование. Сразу оговоримся, что процесс заимствования лексики может быть обусловлен рядом различных факторов, разделить которые можно на лингвистические и экстралингвистические. Так как заимствование есть одновременно процесс усвоения языковой единицы (лексемы или синтаксемы) и результат этого процесса – единица языка-донора, закрепленная в лексиконе языка-реципиента, передаче в другую культуру подлежит не только графический или фонетический облик той или иной лексемы или синтаксемы, но и контекст, посредством которого данная языковая единица включается в любую культуру. В контекст могут включаться различные культурные компоненты, могущие повлиять на бытие той или иной языковой единицы – резонансные исторические события, политические процессы, социальные изменения и даже религиозная догматика. Все это может явить собой культурное наполнение любой лексемы или синтаксемы. Если это наполнение так или иначе воспроизводится в принимающей культуре, то приходится говорить о лингвистических реалиях, дальнейшая судьба которых зависит от различных факторов и носит, на наш взгляд, тройкий характер:

- 1) Заимствование обладает более обширным культурным контекстом и вытесняет лексему, номинирующую первичную реалию из культуры-реципиента;
- 2) Заимствование обладает бедным культурным контекстом и не принимается либо со временем вытесняется из культуры-реципиента;
- 3) Заимствование дублирует лексему, номинирующую первичную реалию из культуры-реципиента и закрепляется в определенном пласте языка принимающей культуры.

Справедливой будет мысль о том, что процесс заимствования лексики имеет двойственную природу, обусловленную особенностями объекта заимствования: принято выделять особый сценарий для заимствования имен нарицательных или апеллятивов, а также для имен собственных. Зачастую имена собственные заимствуются не только раньше, чем апеллятивы, но и в гораздо большем объеме, однако при этом степень теоретического обоснования этого процесса и в настоящее время является относительно низкой, нежели степень разработанности феномена заимствования имен нарицательных, что и привлекает внимание исследователей к этой проблеме.

Важно заметить, что одни и те же лингвистические факторы оказывают различное влияние на процесс заимствования собственных и нарицательных имен: если для первых сохранение первоначального фонетического облика является едва ли не основополагающим, то для вторых гораздо более важным является возможность номинации заимствованного явления при помощи исконной лексики. В первую очередь это связано с распространенностью пуристической языковой политики, направленной на ограждение языка-реципиента от излишнего воздействия других языков и культур. В то же время пласт имен собственных открыт для воздействия, поскольку каждый его компонент номинирует некое оригинальное явление, для которого не нужен референт.

Неоспорим тот факт, что французский и русский языки принадлежат к разным группам индоевропейской языковой семьи (соответственно романской и славянской) и территориально разобщены, что не может не накладывать отпечаток на их взаимодействие: прямой контакт этих языков возможен в весьма ограниченных масштабах, и потому оба языка при попытке взаимодействия так или иначе претерпевают влияние третьих языков (ранее – польского и немецкого, позже – английского).

Формирование в восточнославянских языках (в частности, в русском языке) корпуса онимных галлицизмов – результат длительных и имеющих различную интенсивность и динамику контактов между этими языками. Наличие этих контактов закономерно приводило к заимствованию обширных пластов лексики, и в особенности – онимной. По замечанию академика В.В. Виноградова, «на протяжении своей истории русский язык с необычайной широтой и свободой пользовался словами и выражениями чужих языков, погружая их в русскую национальную стихию и ассимилируя с ней» [Виноградов: 123]. При этом важно, что в разные исторические периоды процесс и результат заимствования онимной лексики был детерминирован окружающей средой – историко-политическими событиями, социальными изменениями и т.д.: в зависимости от эпохи, в различных пластах русского языка преобладали заимствования из разных языков: во время правления реформатора Петра I было велико влияние голландского и немецкого языков (в большей степени – первого), поскольку средства именно этих языков номинировали явления, внедрявшиеся Петром в русскую культуру (номинации явлений, связанных с военным делом – ефрейтор, юнкер, лафет, штаб, командир; апеллятивы, номинирующие реалии, относящиеся к морской и военной терминологии, а также к быту – бунт, балласт, вымпел, гавань, верфь, флаг, флот, зонтик); период нахождения у власти Анны Иоанновны был ознаменован новой волной популяризации немецкого языка, поскольку это был родной язык ее фаворита – государственного деятеля Э.И. Бирона и его окружения; увлечение

императрицы Екатерины II идеей просвещенного абсолютизма усилило интерес к французской культуре в целом и к французскому языку в частности [Фомина:290]. Необходимо упомянуть о том, что языковая политика культуры-реципиента может заключаться и в неприятии влияния того или другого языка: так, например, в период I и II Мировых войн популярность немецкого языка существенно понизилась, в то время как английский язык стал своеобразным *lingua franca* для населения практически всего земного шара.

В нашем исследовании мы предлагаем изучать процесс взаимодействия русского и французского языков с диахронной позиции, поскольку только этот подход поможет дать наиболее объективную оценку явлению заимствования онимных лексем. Для этого нам необходимо принять в качестве исходного понятие лингвистического времени, под которым автор термина Эмиль Бенвенист понимал сразу три аспекта:

1. Физическое время (или психическое, которое каждый индивид определяет по своей внутренней жизни);
2. Хроническое время (членение времени на хронологические сегменты – дни, недели и т. д.);
3. Лингвистическое время, прямо связанное с речью и отображенным в языке человеческим опытом; «лингвистическое время отправляется от своего основного ядра, наличествующего в настоящем, откуда расходятся его два направления (бинарное направление) – в прошедшее и в будущее» [Бенвенист: 8].

В связи с тем, что восточные славяне издревле налаживали политические, экономические и культурные связи с другими государствами, заимствование целых пластов лексики из родственных славянских и других языков было неизбежно. Как было сказано выше, ряд причин, обуславливавших необходимость данного процесса, включает в себя лингвистические и экстралингвистические факторы. К последним следует отнести потребность в номинации новых объектов, явлений и понятий; ранее неизвестных восточнославянской культуре, наличие билингвизма, вызванное необходимостью вступать в контакт с представителями других народов, интерес к другим культурам, и т.д. Весьма значим тот факт, что в различные периоды времени превалировала та или иная экстралингвистическая причина заимствования онимов. Так, например, конец X – начало XI века были ознаменованы христианизацией населения восточнославянских земель, что не могло не наложить отпечаток на восточнославянский лексикон, обогатившийся как апеллятивами (в основном, церковной лексикой), как и антропонимами (имена святых византийской традиции и обиходные имена греческого происхождения, хотя благодаря развитию переводческой практики распространяются также римские имена и имена еврейского происхождения, но в гораздо меньшей мере). При этом до определенного момента восточнославянская культура практически никоим образом не взаимодействует с западноевропейской – и лишь с 1453 года, когда Византийская империя перестала существовать, в среде восточных славян получили весьма широкое распространение западноевропейские (в частности – французские) онимы. До этого восточным славянам были известны преимущественно греческие, латинские, тюркские, скандинавские и еврейские (библейские) имена.

Благодаря распространению переводной литературы и расширению контактов с другими государствами, русский язык обогащается лексикой, заимствованной из западнославянских (в основном польского) языков, позднее из латинского, немецкого, шведского. Именно к этому периоду (XIV-XVII вв.) относится закрепление и распространение в русском языке онимных моделей на – ия: Дания, Испания [Суперанская:12]. Воспринимать же французскую лексику русский язык начинает только во второй половине XVII века, и этот факт связан с развитием русского военного дела, что, соответственно, влечет за собой заимствование обширного пласта апеллятивной лексики, номинирующей воинские звания, военную технику, специальную терминологию. Но, так как процесс заимствования имен нарицательных так или иначе сопровождается заимствованием собственных имен, носителям русского языка удастся активизировать в своей речи французский антропонимикон, адаптация которого в этот период проходит под значительным влиянием немецкого и польского языков. Как было сказано выше, социальные, политические и экономические связи России и Франции были в этот период намного слабее, чем взаимосвязь России с Польшей или Германией. Именно поэтому в период до начала XVIII века французская онимная лексика входила в русский язык в несколько трансформированном – по правилам немецкого или польского языков – виде. Наиболее показательным примером в этом отношении является астионим Париж (польск. *Parыз* /pariz/ < нем. *Paris* /paris/ < франц. *Paris* /pari/). Культурная ситуация изменилась только к середине века, когда значение французского языка резко возросло во всех крупнейших европейских государствах. Полагаем, что одной из причин этому послужила экспансия политики просвещенного абсолютизма, разработанная видными французскими мыслителями и политическими деятелями. После революции 1789-1794 гг. усилился поток миграции французских дворян в Российскую империю, и со временем именно французская культура стала оказывать влияние на ключевые сферы жизни общества – начиная от общекультурных связей и заканчивая культурой повседневности. Так, например, в средствах массовой информации того времени были весьма распространены объявления следующего содержания: «Недавно приехавшая мадам Франтуе делает самое лучшее и новомодное дамское платье

и обучает девок...» («Московские ведомости». 1786, 30 декабря). В это же время возрастает частотность использования галлицизмов в газетных текстах – для сравнения, в первой российской газете «Вестник-Куранты» апеллятивные галлицизмы использовались крайне редко и претерпевали влияние третьих языков. Что касается оимной лексики, то она передавалась в данный период при помощи транслитерации [Пичугина: http].

Языковая ситуация рубежа XVIII-XIX вв. была охарактеризована таким явлением как франко-русский билингвизм в некоторых случаях с минимальной русской составляющей: многие представители дворянской верхушки, являющие собой самую образованную часть населения, практически не владели русским языком (подобная ситуация описана Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»):

— В Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупы. Ей нужно было иметь два valets de pied за карета. И очень большой ростом. Это было ее вкусу. И она имела une femme de chambre, еще большой росту. Она сказала...

Тут князь Ипполит задумался, видимо с трудом соображая.

— Она сказала... да, она сказала: «Девушка (à la femme de chambre), надень livrée и поедем мной, за карета, faire des visites»).

При этом в указанный период весьма распространено было так называемое графическое цитирование – имена не передавались при помощи транслитерации, но сохраняли аутентичное написание – как в тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «К Talon помчался...»; «...мой друг, monsieur Guillot». Со временем передача антропонимов при помощи графического цитирования была вытеснена транслитерацией, однако при этом процесс франсизации русских личных имен все еще был весьма распространен. Необходимо заметить, что результаты этого процесса неоднократно и чрезвычайно ярко освещались в русской классической литературе. Как правило, это делалось с целью воспроизведения реальности в художественном дискурсе, как это можно проследить по текстам произведений Л.Н. Толстого – в тексте романа «Война и мир» дети князя Василия Курагина носят имена Анатоль и Элен, но не Анатолий и Елена, как и отпрыск княжеского рода Корнаковых из трилогии «Детство. Отрочество. Юность»:

«Она рассказала мне между прочим, что их брат Степан, которого они звали Этьен и которого года два тому назад отдали в Юнкерскую школу, был уже произведен в офицеры». Важно при этом, что в первой редакции текста романа указывается другое имя молодого князя Корнакова – Сергей, что, соответственно, идет вразрез с франсизированным вариантом Этьен. С другой стороны, часто отражение этого процесса использовалось с целью придания комического эффекта тому или иному образу, например, в тексте романа «Отцы и дети» И.С. Тургенев приводит наряду с настоящим именем героини неоправданный франсизированный вариант:

«Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (или Евдоксия) Кукшина, находился в одной из нововыгоревших улиц города».

Подобный пример приводится в тексте романа в стихах «Евгений Онегин» – «Княжна, mon ange! – Pachtette!» – Алина...», где к деминутивному варианту имени Прасковья (уменьш. – Паша) прибавляется французский суффикс-деминутив –ette (пример заимствован у Ю.М. Лотмана). На наш взгляд, небезынтересным будет пример такого образования уменьшительного имени при помощи заимствованного суффикса, зафиксированный в первой редакции уже упомянутой трилогии Л.Н. Толстого: одна из героинь этого произведения названа деминутивным именем Sachinette, образованным, по-видимому, от женского личного имени Александра. Отметим, что это имя, выведенное искусственным образом, используется с фамилией Алишкеева, имеющей явное тюркское происхождение, которое можно проследить по наличию зияния – [jəjə]. В последующих редакциях романа это имя не применяется.

Небезынтересным является тот факт, что названный процесс был характерен среди представителей всех социальных слоев – с той лишь разницей, что в крестьянской среде он распространялся благодаря влиянию на нее (зачастую – совершенно неоправданному) высших слоев общества. Наиболее ярким примером такого воздействия является эпизод из текста романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в котором мать Татьяны и Ольги Лариных предпринимает попытку перестроить русский помещный быт по европейским – главным образом, французским – лекалам, соотнося при этом факты культуры-донора и культуры-реципиента случайным образом:

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос;
Но скоро все перевелось;
Корсет, альбом, княжну Алину,

Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

Процесс, описанный в данном отрывке А.С. Пушкиным, имеет мало общего с процессом франсизации в частности, но, по нашему мнению, относится к процессу европеизации в целом: латинское личное имя Полина (Паулина) и греческий антропоним Прасковья (Параскева) не имеют общего происхождения, как и имена Акулина, использованное с оттенком пренебрежения, и Селина – оба имеют латинское происхождение, однако каждое из них обладает своеобразной внутренней формой: Aquilina > Акулина, Акулька ('орлиная'), Céline > Селина (др.-греч. selēnē – "луна", либо от лат. caelum – 'небо').

Следует помнить, что процесс франсизации русских личных имен был распространен вплоть до 1917 года. К концу XIX в. офранцузенные варианты распространенных в России имен постепенно вытесняются англизированными, но, тем не менее, все еще остаются в обиходе – в тексте романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» жену Ипполита Матвеевича Воробьянинова зовут Мари Петухова, при этом фамилия идет вразрез с фонетической системой французского языка (наличие фонемы <х>), под которую и была предпринята попытка адаптации данного имени.

Что же касается англизированных вариантов русских антропонимов, то она распространяются сначала в действительности, а затем – в художественном дискурсе – в последней трети XIX столетия. Так, например, имя персонажа романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Степана Аркадьевича Облонского трансформируется под влиянием именно английского языка: Stephen/Steve> Стива, а имя его жены Дарьи Александровны вытесняется на страницах романа вариантом Долли, хотя в европейских языках это имя является деминутивом от личного женского имени Dorothea, традиционно передающегося на русский язык как Доротея [Рыбакин: 70].

Результаты названного процесса были подвергнуты осмеянию в произведениях молодой советской культуры. Так, например, в стихотворении В.В. Маяковского «Маруся отравилась» (1927), рассматривается случай неоправданной франсизации личного имени:

Он был
монтером Ваней,
но...
в духе парижан,
себе
присвоил званье:
"электротехник Жан".

Данный пример живо свидетельствует о том, что и через десять лет после революции французский антропонимикон пользовался определенным престижем у населения нового государства, в том числе – у представителей пролетариата.

Итак, несмотря на довольно долгую историю взаимодействия французского и русского языков, начало активного построения диалога названных культур относится к XVIII веку. Традиционно принято выделять четыре основных экстралингвистических фактора, способствующих развитию языковых контактов:

- 1) экономический (главный в определении степени контакта); 2) политический фактор (имеет большое значение в конкретных условиях);
- 3) религиозный фактор;
- 4) фактор престижа [Вандриес: 270].

В зависимости от актуальной культурной ситуации каждый из названных факторов попеременно выходит на передний план. Отметим, что с начала XX века религиозный и престижный фактор практически не оказывают никакого влияния на межкультурный диалог России и Франции и имеют основополагающее значение лишь в частных случаях.

Что же касается лингвистических факторов взаимодействия указанных языков, то среди них, на наш взгляд, необходимо выделить следующие:

- 1) Распространение переводной литературы;
- 2) Распространение зарубежных средств массовой информации;
- 3) Интенсивный, но несимметричный обмен носителями обоих языков в различных сферах: влияние французского языка на русский несоизмеримо сильнее, чем обратный процесс.

Таким образом, несмотря на весьма высокую степень научного обоснования и разработанности такого явления как заимствование русским языком французской онимной лексики (И.В. Бойчук, О.А. Пичугина), этот процесс, как и его результат, как в собственно ономастическом,

так и в лингвокультурном аспектах по-прежнему представляет значительный интерес для широкого круга исследователей и является неотъемлемой частью межкультурного диалога.

Список литературы

- Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Баку- Язычы, 1992, 279 стр.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бойчук И.В. Адаптация французских онимов в украинском и русском языках. – Дисс. ...канд. филол. н. – Донецк, 2002. – 275 с.
- Бойчук И.В. Адаптация французских онимов в восточнославянских языках (на материале русского и украинского языков). – Белгород: ИД «Белгород», 2015. – 260 с.
- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Едиториал, 2004.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой – М.: Русские словари, 1996–412 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС Едиториал, 2008. – 144 с.
- Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2007.
- Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003.
- Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин": комментарий : пособие для учителя / Лотман Юрий Михайлович. - 2-е изд. - Л.: Просвещение, 1983. - 415 с.
- Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 384 с.
- Пичугина О.А. Процессы освоения топонимических галлицизмов в русском языке XVIII в. – Дисс.... канд. филол. н.. – Донецк, 1990. – 234 с.
- Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. – М.: Астрель, АСТ, 2000. – 222 с.
- Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. М., 2006. – 320 с.
- Суперанская А.В. Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука 1988
- Суперанская А.В., Сулова А. В. О русских именах. /А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – СПб: Авалонь, Азбука-классика, 2007. – 301 с.
- Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1983. – 335 с.
- Хайдеггер М. Язык – [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://lib.ru/ HEIDEGGER/yazyk.txt>